

говорится как о «прошлом годе», сами эти «Примечания», а соответственно и текст списка не могут быть датированы позже, чем 1730 годом. Мы полагаем, что данный список представляет собой как раз то состояние сатиры и примечаний к ней, какое определилось именно к концу 1730 года, когда стала известна во всех деталях и последствиях история с Дашковым.

В примечаниях к собранию стихотворений Кантемира, изданном в большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1956), а еще раньше в кандидатской диссертации (1952) мы высказали предположение о существовании более раннего текста II сатиры, отличавшегося от так называемой первоначальной редакции, но были вынуждены оговориться, что текст этого более раннего текста до нас не дошел. Теперь, после исследования названного списка, оговорку эту можно снять, а высказанное предположение рассматривать как установленный факт. Однако как всегда бывает, действительность оказалась более сложной, чем это можно было представить. Киевский список еще не отражает первичного состояния сатиры. Это видно из того, что в нем начальные строки (как и в первоначальной редакции) содержат упоминутый выше намек на Георгия Дашкова. Намек же этот мог появиться только в конце 1730 года. Следовательно, начало сатиры к моменту ее создания на рубеже 1729 и 1730 годов безусловно отличалось и от так называемой первоначальной редакции и от редакции вышеописанного киевского списка.

Условимся называть текст сатиры, как он определился к началу 1730 года, самой ранней редакцией. В известных нам списках она не представлена. Важно, однако, обратить внимание на некоторые факты, имеющие отношение к данной редакции (по крайней мере, к началу сатиры).

В свое время В. Н. Перетц в статье «Неизвестные подражатели Кантемира» опубликовал сатиру анонимного автора «На скупого человека». Сатира эта — явное подражание Кантемиру, а ее первые десять стихов весьма близки известному теперь началу II сатиры в так называемой первоначальной редакции.

Вот стихи из сатиры «На скупого человека»:

Что так, друже, смутен стал, в знаках весь псчали?
С брюхом отчего глаза так глубоко впали?
Где цветуща красота, очей нежны взгляды,
Что печален, смутен весь, без всякой отрады?
Как подьячий сух и худ в вотчинном приказе,
Сулена что пред судьей грозна смерть в указе.
Иль товары с кораблем на мори разбиты,
Иль приказчики в пути от воров убиты?
Что ж молчишь? Ну, говори, иль тебя покину.
— Постой, выслушай: скажу скорби сей причину.⁹

В. Н. Перетц, сравнив это начало с текстом II сатиры Кантемира в первоначальной редакции, пришел к выводу, что подражатель «перефразировал в пародическом... стиле», в «вульгарных выражениях» первые два стиха кантемировской сатиры и заимствовал из последней сравнение, содержащееся в 5-м и 6-м стихах. В остальном, по мнению исследователя, «аноним свободно развивает тему» и «совершенно отходит от образца в отношении содержания, сохраняя сходство в приеме...».¹⁰

⁹ «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1928, т. 1, кн. 2, стр. 341.

¹⁰ Там же, стр. 349.